

В.А. Грач

Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве.

// *Археология Северной Азии*. Новосибирск: 1982. С. 156-168.

В 1968 г. работами СТЭ АН СССР был раскопан самый крупный памятник из курганной группы Улуг-Хорум, по которому она и была названа. Памятник расположен в долине р. Саглы в 7 км к З от пос. Кызыл-Тей в Южной Туве. В ходе раскопок выяснилось, что этот каменный курган является не погребальным, а культовым сооружением — соляным храмом на открытом воздухе общей площадью 3700 м². Храм этот был создан древними кочевниками в скифское время. Внутри центрального наземного сооружения (площадь его 450 м²) были обнаружены три впускных захоронения, несомненно, не имеющих отношения к основной дате создания комплекса и относящихся к более поздним историческим эпохам. [1]

Погребение № 1. Совершено по обряду труположения с сопроводительным захоронением коня. Впущено в восточную половину центрального наземного сооружения путём выема каменной кладки траншейным способом и последующего нового перекрытия камнем. До раскопок над захоронением прослеживалась продольная западина со шлейфом развала в восточной части. Погребение расположено в 1 м от уровня древней поверхности почвы и сильно нарушено естественным давлением камней (рис. 1). Судя по положению сохранившихся костей человеческого скелета, ориентировка погребённого — головой на В, положение — вытянутое, на спине. Сопроводительное захоронение коня отделено от основного вертикально поставленной каменной плитой и находится в восточной части выема.

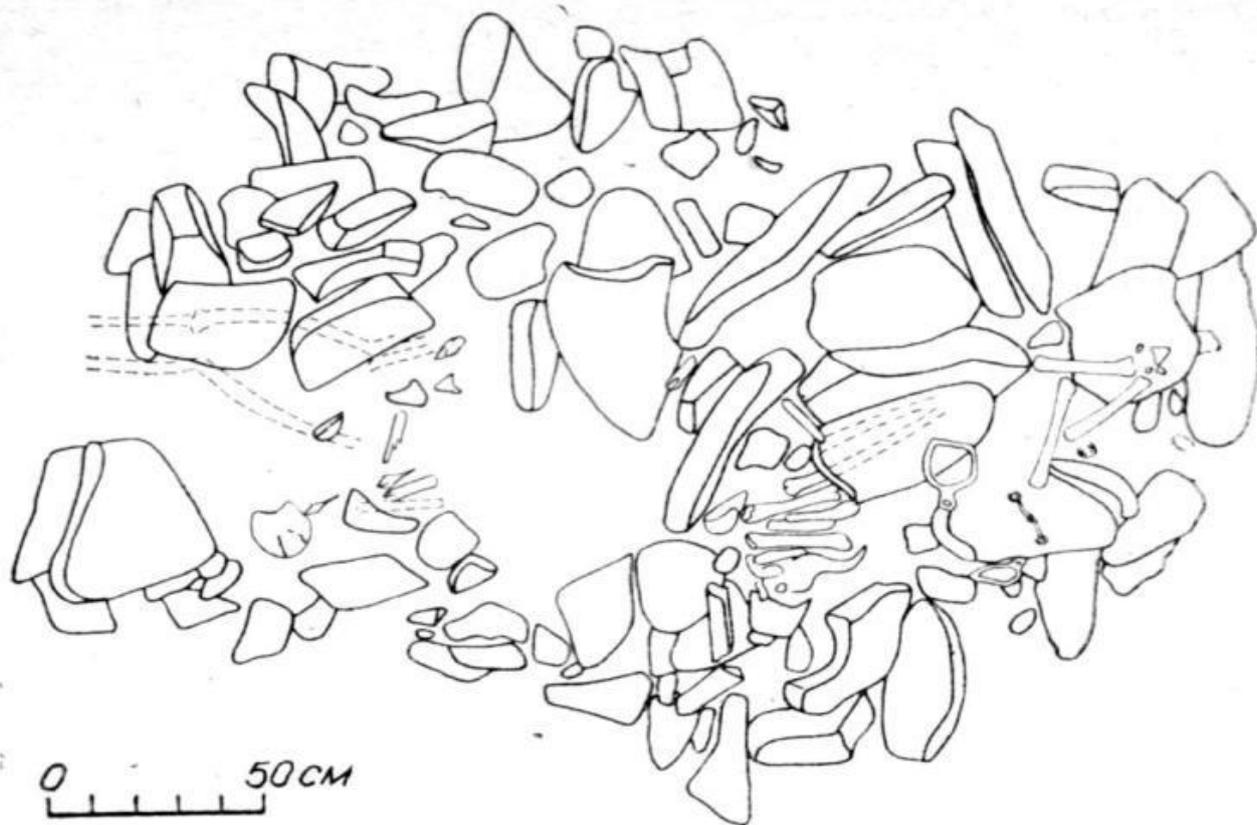

Рис. 1. План погребения № 1.

При этом можно утверждать, что конь был помещён в могилу с подогнутыми под брюхо ногами и ориентирован головой на З с очень небольшим отклонением к Ю. [2]

Инвентарь: при человеке — 2 железных трёхлопастных наконечника стрел (рис. 2, 1, 2), астрагал барана (рис. 2, 3); при коне — двусоставные удила с однокольчатыми окончаниями (рис. 2, 4), подпружная пряжка (рис. 2, 5), пара плоских пластинчатых орнаментированных треугольниками стремян (рис. 2, 6, 7). Все предметы из железа.

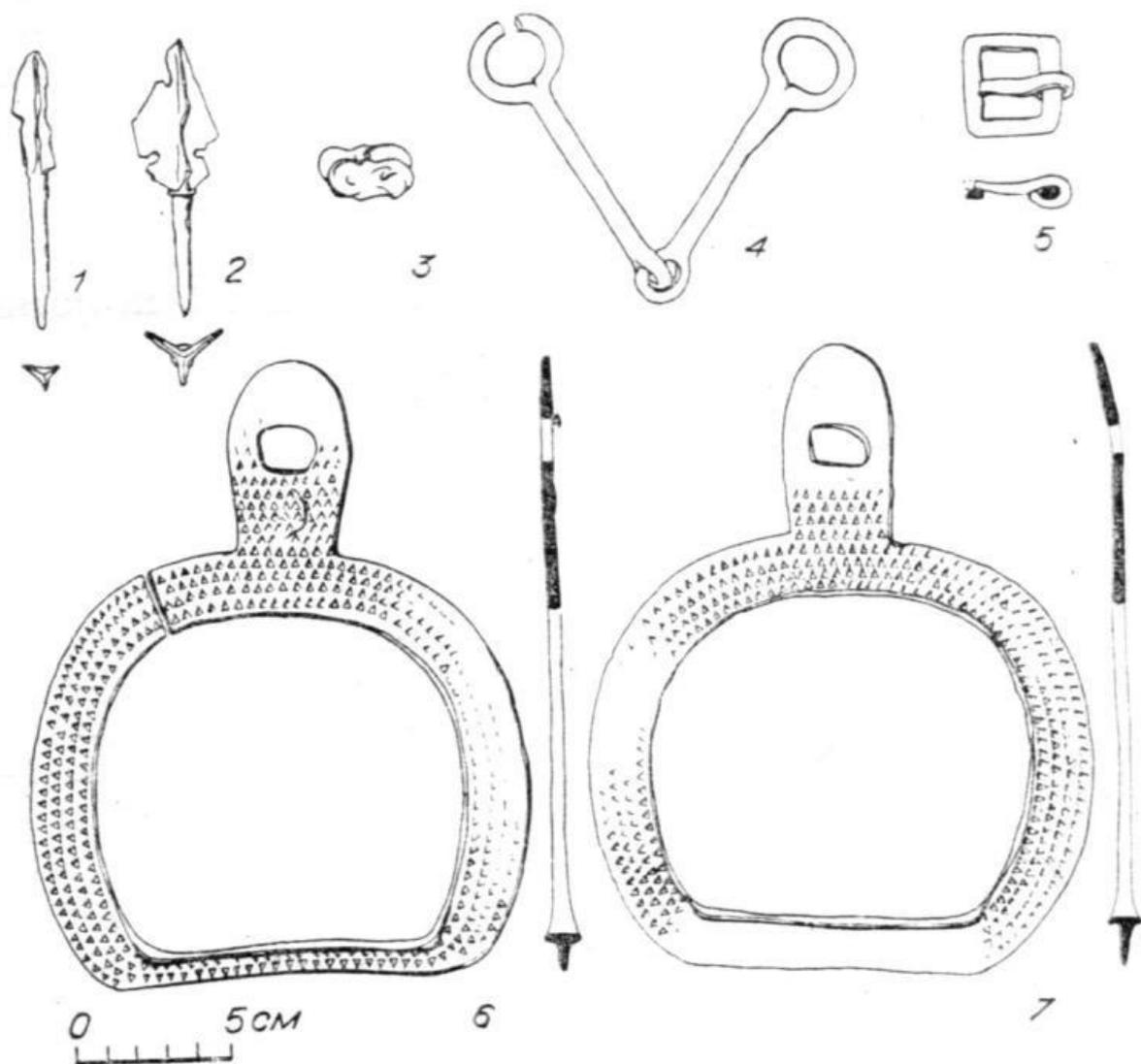

Рис. 2. Инвентарь погребения № 1. 1, 2 — наконечники стрел; 3 — астрагал овцы; 4 — удила; 5 — пряжка; 6, 7 — стремена.

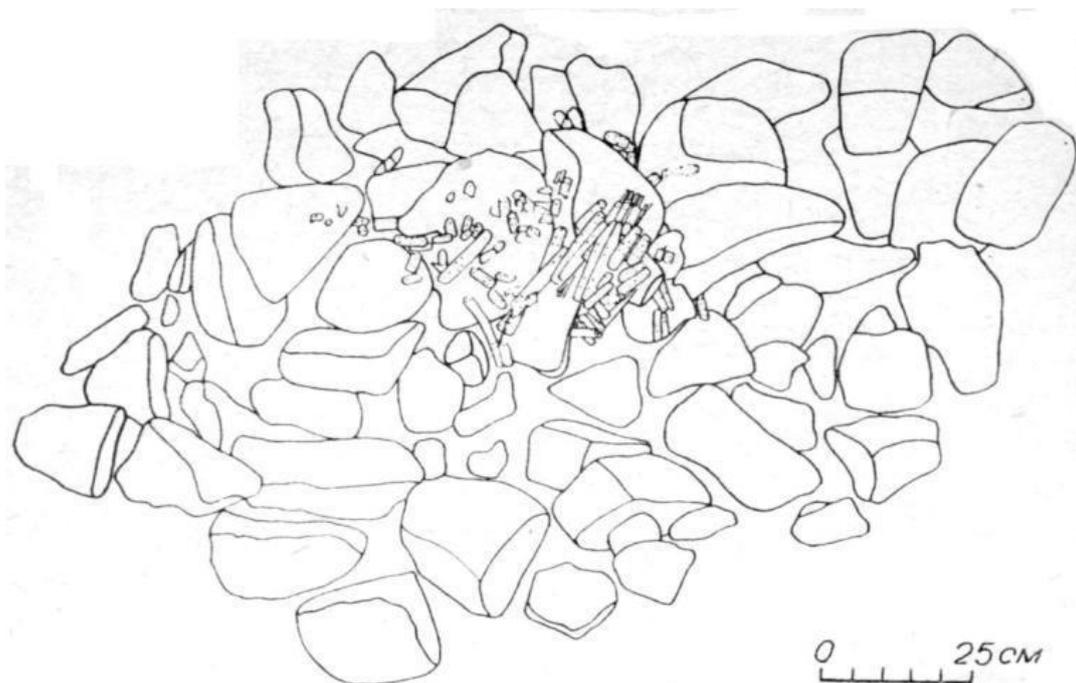

Рис. 3. План погребения № 2.

Погребение № 2. Совершено по обряду трупосожжения на стороне. Впущено в верхний ярус каменной кладки северозападного сектора центрального наземного сооружения (рис. 3). Помимо золы и остатков трупосожжения обнаружены компактно залегающие многочисленные панцирные железные пластины овальной и полуовальной формы с отверстиями для крепления (рис. 4).

Погребение № 3. Впущено в северо-западный сектор наземного сооружения в верхний ярус кладки (рис. 5). Сохранились остатки деревянных жердей (по-видимому, от перекрытия могилы), ориентированных по длине с ЮЗЗ на СВВ. Костяк погребённого почти не сохранился, но судя по положению черепа и некоторым другим признакам, ориентировка его — головой на СВВ.

Инвентарь: в головах остатки седла со стременами и двумя подпружными пряжками (рис. 6, 8, 9, 11, 12), а также большой железный черпак (рис. 6, 14); в ногах 7 железных черенковых наконечников стрел в кожаном колчане (рис. 6, 1-7). При погребённом обнаружены также нож (рис. 6, 10) и фрагменты поливной керамики (рис. 6, 13).

Очевидно, все три вышеописанных захоронения отличаются друг от друга как погребальным обрядом, так и сопроводительным инвентарём и сделаны в различные исторические эпохи.

Погребение № 1, несомненно, относится к древнетюркскому времени. Следует отметить, что оно содержит ряд оригинальных признаков, позволяющих говорить о новом типе погребений с конём. В древнетюркских погребальных памятниках с сопроводительным захоронением коня (или коней), обнаруженных до сих пор на территории Тувы и сопредельных областей, человеческий и конский костяки независимо от ориентировки всегда положены параллельно. [3]

Рис. 4. Вид погребения № 2.

В данном захоронении сопроводительное погребение коня располагалось к В от основного, видимо, за головой человека и плитой-перегородкой. При этом конское погребение имело западную ориентировку. Таким образом, человеческий и конский костяки как бы вытянуты в одну линию в направлении с З на В и положены головами друг к другу. Подобный тип захоронения древпетюрского времени обнаружен впервые.

Кроме того, сразу обращает на себя внимание тип стремян (рис. 2, 6, 7), резко отличающийся от традиционных форм, встречающихся обычно в позднекочевнических памятниках. Стремена парные, выкованные из цельных узких овальных пластин, со спрямлённой подножкой, слегка расплющенной

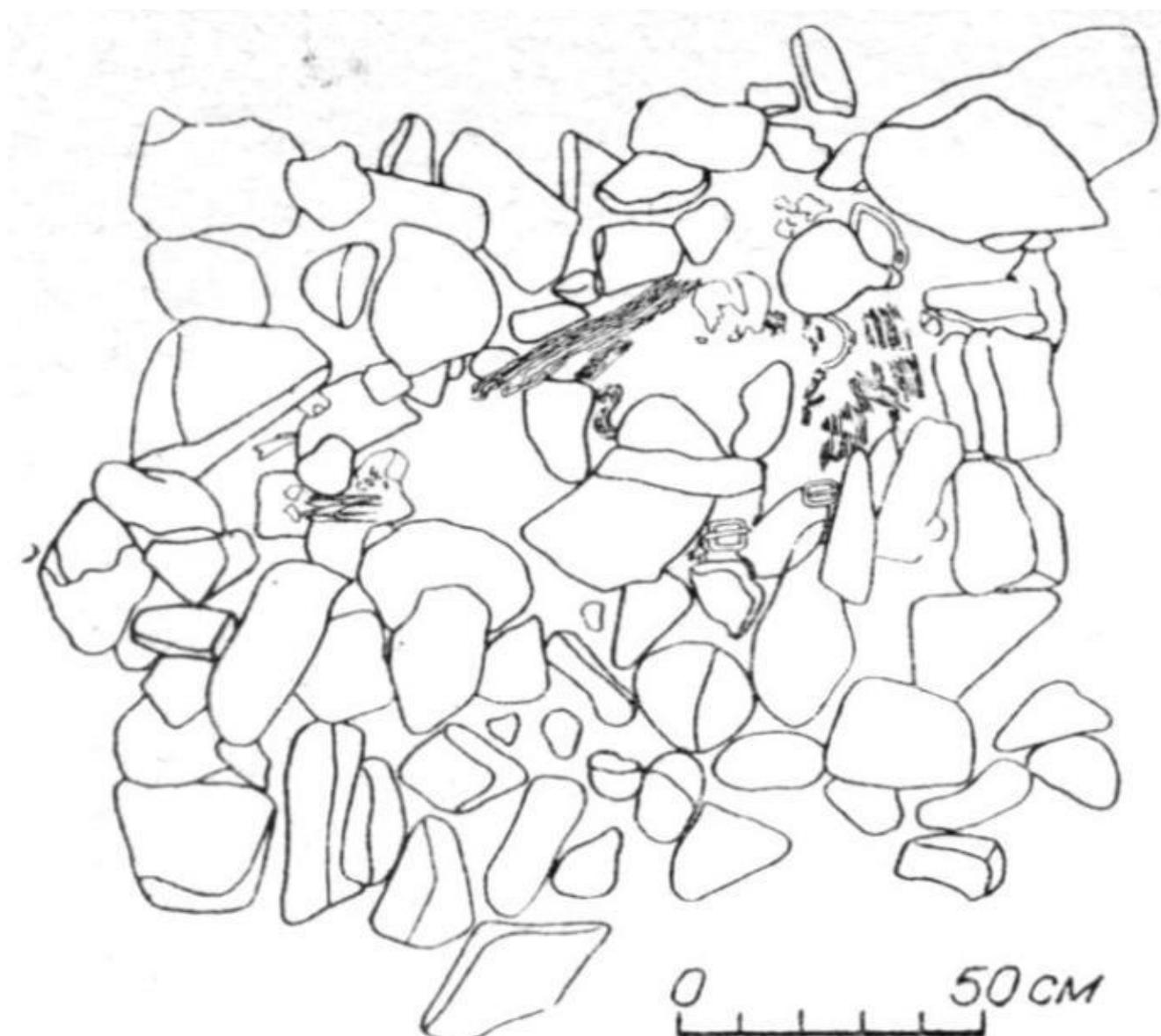

Рис. 5. План погребения № 3.

с внутренней стороны. Ушко для путлища — высокий вытянутый полуовал, не имеющий шейки. Поверхность одной из сторон каждого стремени покрыта орнаментом в виде нескольких рядов вдавленных треугольников. Все вышеописанные детали совершенно не характерны для стремян, находимых обычно в кочевнических погребениях VI-X вв. Нам известна лишь одна аналогия из закрытого комплекса. Это пара стремян из погребения кудыргинского типа на Алтае [4] (рис. 7, 6), датированного А.А. Гавриловой VI-VII вв. На основании этой находки ею был выделен особый тип стремян. [5] К сожалению, из-за сильной коррозированности кудыргинских находок невозможно определить, были ли они орнаментированы, что имеет весьма важное значение. Кроме Кудыргэ эта редкая форма стремяни известна на территории расселения

древнетюркских племён лишь по единичным случайным находкам на Верхней Оби [6] и Среднем Енисее [7] (рис. 7, 7). Помимо оригинальной конструкции стремена этого типа отличаются от традиционных древнетюркских ещё и более крупными размерами (они приблизительно в 1,5 раза крупнее, чем обычные).

Однако при внимательном рассмотрении прототипы таких стремян находятся в широко датированных памятниках IV-VI вв. Дальнего Востока (Корея, Япония) [8] (рис. 7, 1-5). Первоначально стремяна подобной формы делались из дерева, позднее их стали обшивать металлом [9] (рис. 7, 1-4), а приблизительно с конца V в. изготовляли уже из железа (рис. 7, 5), но форма точно копировала деревянные и деревометаллические. [10] Дальневосточные образцы связаны со стремянами типа улуг-хорумских целым рядом признаков.

1. Заслуживает внимания тот факт, что дальневосточные стремяна в большинстве своём украшены. При этом на деревометаллических стремянах декоративную роль зачастую выполняли шляпки гвоздей, которыми крепилась на деревянную основу металлическая обшивка [11] (рис. 7, 1, 3, 4), хотя имелись и металлические обкладки, покрытые специально нанесенным орнаментом [12] (рис. 7, 2). На металлических же стремянах, как, например, в нашем случае, характер его чисто украшательский. Не исключено, что декорирование вдавленными треугольниками продолжалось в течение какого-то времени

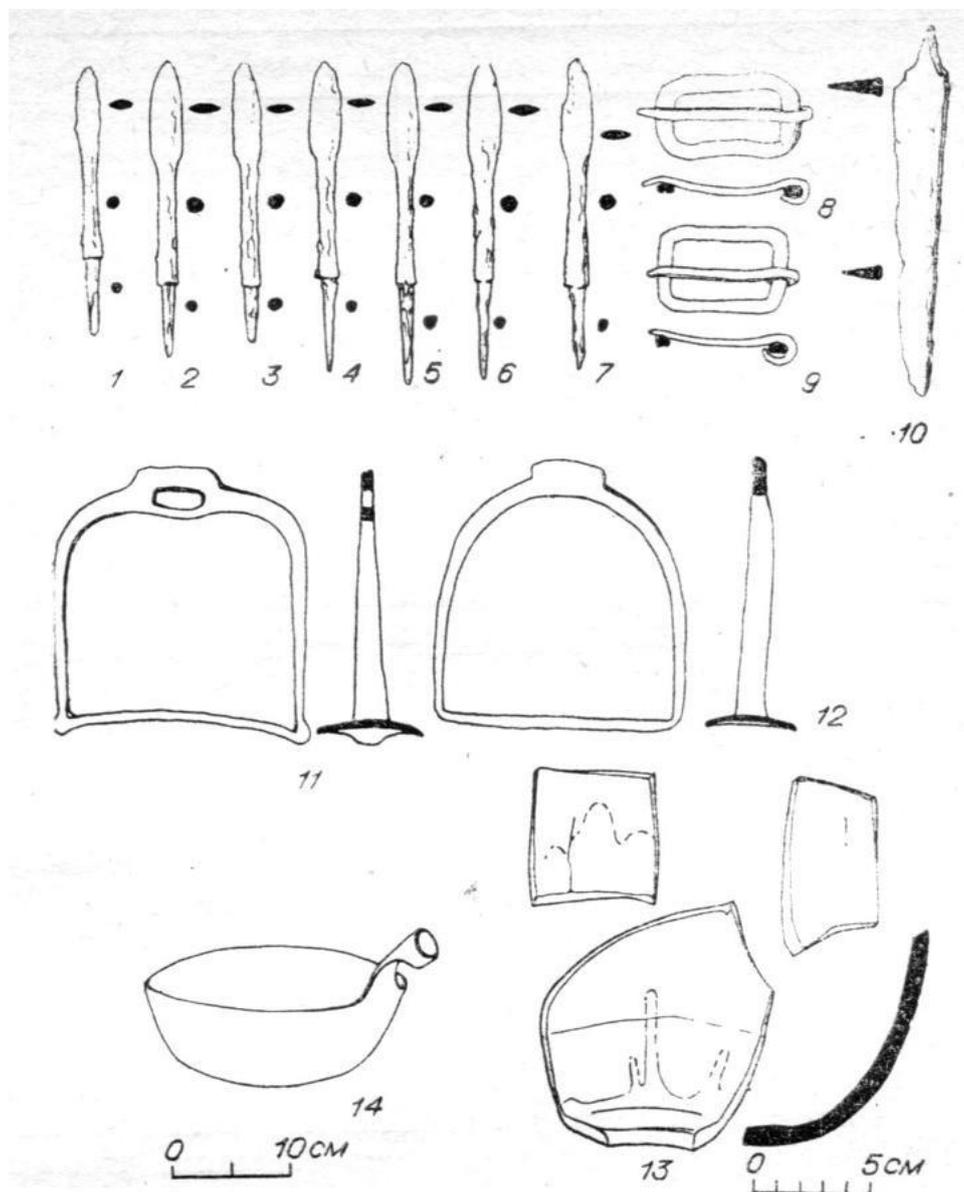

Рис. 6. Инвентарь погребения № 3. 1-7 — наконечники стрел; 8, 9 — пряжки; 10 — нож; 11, 12 — стремяна; 13 — фрагменты керамики; 14 — ковш.

традицию украшать таким образом изделия из дерева. На более поздних стременах этот обычай практически исчезает.

2. Отсутствие шейки, отделяющей пластину с петлёй для путлища от корпуса. Отметим, что наличие шейки является почти неизменным признаком, наличествующим у самых разнообразных типов стремян на территории Евразии в памятниках, датирующихся временем от середины VI в. и до конца I тыс. н.э., [13] когда появляются уже стремена с петлёй, сделанной прямо в дужке.

3. Овальные очертания корпуса, которые также являются несомненным архаическим признаком. [14]

4. Большие размеры стремян. Необходимо отметить, что форма и размеры их восходят даже не к деревянным, а к ремённым стременам, [15] так как, по мнению А. К. Амброза, «...на мысль выгнуть стремя из прута, вероятно, навела палочка в основании ремённой подножки. Овал — это полужёсткая треугольная петля, переданная в технике плавного выгибания прута. Но овал пришлось сделать очень большим, чтобы попасть ногой в стремя». [16]

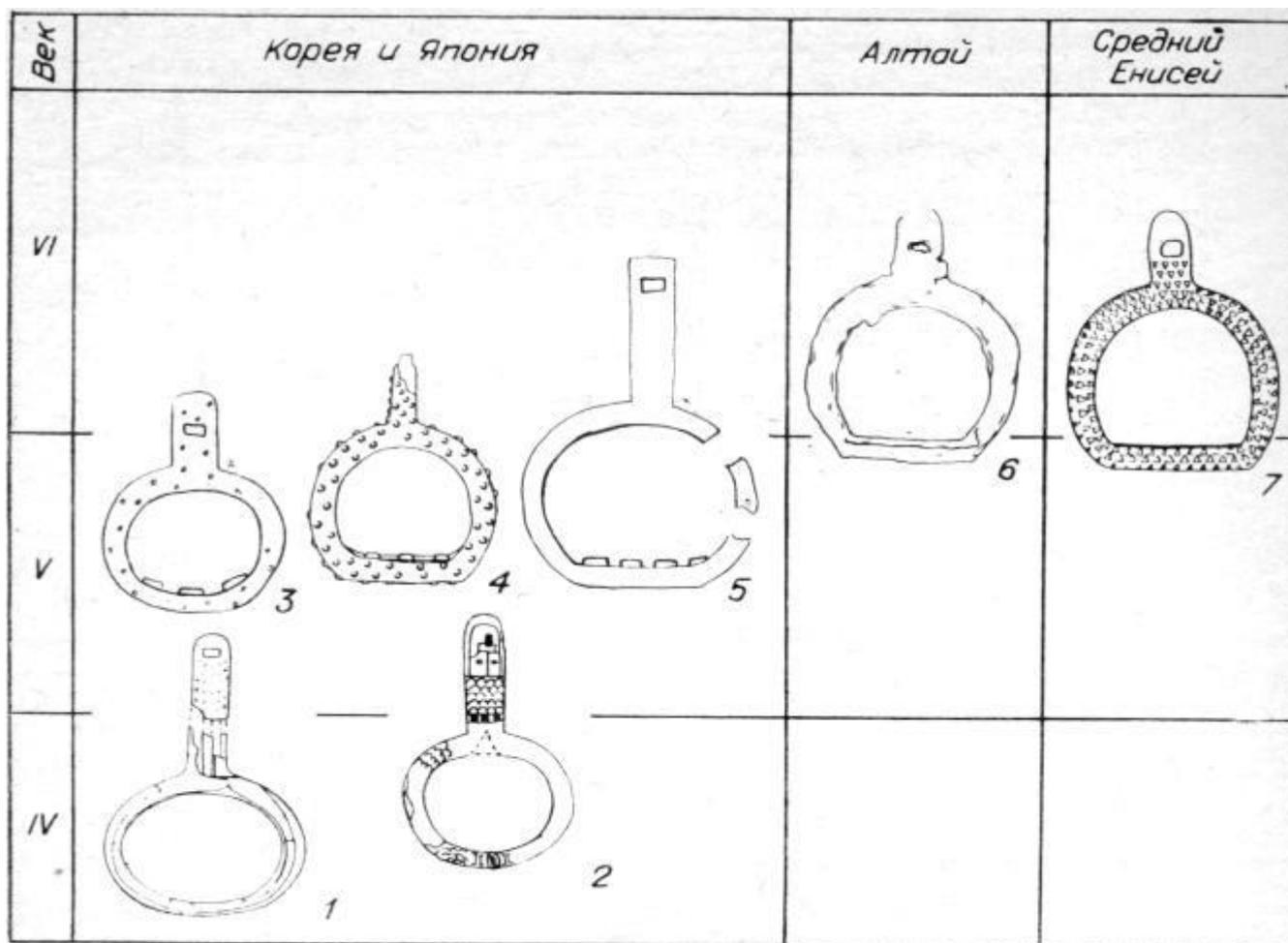

Рис. 7. Эволюция стремян в IV-VI вв.н.э.

И, наконец, конструкция подножки также говорит об архаичности этого типа стремян. Как отмечает А.К. Амброз, «... не сразу догадались расширить подножку. Она долго была высоким узким брусом, резавшим ногу. Применив железо, ещё не знали, насколько оно пригодно для стремян: подножку делали сверхпрочную, брусом; потом оставляли снизу ребро для прочности». [17] Последняя деталь как раз характерна для улуг-хорумских экземпляров. Вероятно, стремена этого типа иллюстрируют первую попытку усовершенствования конструкции подножки, расширения её путем расклёпывания внутренней поверхности нижней части корпуса. Если это так, то именно древним тюркам мы обязаны изобретением широкой подножки, так как

известно, что через их посредство стремена (уже усовершенствованных типов) получали широкое распространение.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно утверждать следующее.

Исследуемый тип стремян является наиболее древним из известных в настоящее время не только в Центральной Азии и Южной Сибири, но и на всей территории расселения раннесредневековых кочевников степей Евразии. [18]

Несомненна генетическая связь стремян этого типа с хорошо датированными образцами из дальневосточных комплексов IV — начала VI в., которые ряд исследователей считает вообще первой попыткой их создания. [19] Проведённый анализ показывает, что стремена типа улуг-хорумских чётко датируются по дальневосточным параллелям временем не позднее середины VI в. н. э., а возможно, ещё более ранним (см. рис. 7).

Остальной инвентарь из погребения № 1 кургана Улуг-Хорум не противоречит этой дате. Подобные удила и пряжки часто встречаются в раннетюркских погребениях и в комплексах предшествующего времени. [20] Учитывая эти данные, погребение № 1 можно датировать концом V — серединой VI в. Оно является наиболее ранним из известных ныне в Туве средневековых погребений с конём.

Эта находка позволяет, наконец, прояснить вопрос датировки и интерпретации погребений древнетюркского времени с конём. Дискуссия по этому поводу длится уже не первый десяток лет. Нет необходимости подробно останавливаться на истории вопроса, ибо это уже делалось в литературе неоднократно. [21] Напомним лишь, что основные противоречия и сомнения заключались, во-первых, в утверждении (А.Д. Грач, С. И. Вайнштейн, Д.Г. Савинов, Ю.И. Трифонов, Г.В. Длужневская) либо отрицании (Л.Р. Кызласов) самого факта обнаружения на территории Тувы погребений с конём, датирующихся VI — началом VII в.; [22] во-вторых, в отнесении к более раннему (VI-VIII или VII-VIII вв.) либо более позднему (VIII-X вв.) времени погребений с широтной или меридиональной ориентировкой. Улуг-Хорумское погребение позволяет с уверенностью ответить положительно на первый вопрос, а в решении второго склонить чашу весов в сторону точки зрения, высказанной нами выше, о более ранней дате погребений с широтной ориентацией. [23]

Что касается этнической принадлежности этого погребения, то его дата, относящаяся к периоду, непосредственно предшествующему образованию первого Тюркского каганата (552 г.), позволяет предполагать, что оно сооружено не тюрками-тугу, а представителями местного (телеского?) [24] населения Тувы предтюркского времени. Некоторые отличительные особенности погребального обряда (например, необычное расположение конского костяка) в сопоставлении их с наличием сильной неоднородности погребений древнетюркского времени с конём уже на ранней стадии их распространения [25] лишней раз подтверждают, что этническая картина населения Саяно-Алтая в этот период была более сложна, чем это представляется на

первый взгляд. По мнению Ю.И. Трифонова, факты свидетельствуют о родоплеменных различиях в пределах одной большой этнической группы — теле. [26] Отметим, что территорию Южной Тувы некоторые исследователи связывают с телеским племенем азов, известным из древнетюркских надписей. [27]

Погребение № 2, судя по обряду, относится, несомненно, к памятникам енисейских кыргызов. Что касается панцирных пластин (см. рис. 4), то они находят себе аналоги в древнекыргызских памятниках как в Туве, так и на сопредельных территориях. Подробное исследование кыргызского вооружения, проведенное Ю.С. Худяковым, позволяет отнести данный панцирь к типу чешуйчатых (тип 2 по классификации Ю.С. Худякова), [28] который датируется им IX-XII вв. [29] Отсутствие других категорий инвентаря, позволяющих отнести погребение № 2 Улуг-Хорума к более конкретному времени, вынуждает нас ограничиться этой расплывчатой датой (середина IX-XII вв.).

Погребение № 3 при первоначальном рассмотрении было предположительно датировано А.Д. Грачом монгольским временем. [30] Действительно, ряд категорий инвентаря находит параллели в памятниках XII-XIV вв. Подобная форма стремян (рис. 7, 11, 12) широко бытовала в степях в этот период. [31] Наиболее близкие территориально аналогии имеются в комплексах XIII-XIV вв. на Среднем Енисее (Суханиха), в Центральной Монголии (Хушот-Худжиртэ, могила Л) и на Алтае (Пазырык). [32] Некоторые черты сходства есть и у стремян, найденных в погребениях XII-XIV вв. на территории Тувы. [33] Довольно часты находки подобного типа из древнерусских, особенно южных, памятников второй половины XII — первой половины XIII в. [34]

Интересен кожаный колчан с наконечниками стрел (рис. 6, 1, 7). К сожалению, сам колчан в таком плохом состоянии, что реконструировать его первоначальный вид не представляется возможным. Что касается наконечников боевых стрел, то все они железные, черешковые, с пером в виде вытянутого уплощённого овала, так называемые килевидные, [35] с остроугольным остриём и необычайно длинной, округлой в сечении шейкой, заканчивающейся упором. Отличительная особенность их — большие размеры. Сходные по форме, но более миниатюрные наконечники известны в Тувинских погребальных памятниках XI-XII вв. [36] (Эйлиг-Хем III, Малиновка). Похожие, но не вполне тождественные (с более короткой шейкой) наконечники найдены в курганах второй половины XIII-XIV вв. на Кубани, Северном Кавказе и на разрушенных монголами русских поселениях. [37] Наиболее близки к вышеописанным изделия из Кара-Корума, обнаруженные в слоях середины и второй половины XIII в.

Как отмечают С.В. Киселёв и Н.Я. Мерперт, основные формы наконечников стрел середины XIII в. появились задолго до монгольских походов. [38] В то же время, как уже констатировалось, более ранние образцы отличаются сравнительно меньшими размерами. Тенденция к общему увеличению габаритов наконечников стрел характерна, как известно, именно для начала собственно монгольского периода (первая половина XIII в.).

Фрагменты керамики (рис. 6, 13), выполненной на гончарном круге и покрытой с двух сторон светло-бежевой поливой, также свидетельствует о синхронности погребения № 3 с эпохой монгольского владычества в Туве. В этот период на её территории существовали города, являвшиеся развитыми центрами ремесла. [39] Поливная керамика в памятниках домонгольского периода в Туве не известна. Очевидно, образцы её могли проникнуть в Центральную Азию лишь после завоевания Тувы монголами в XIII в.

Находка поливной керамики монгольского времени в явно кочевническом погребении свидетельствует о наличии контактов между жителями древнемонгольских городов и местными кочевниками. После падения Юаньской империи (конец XIV в.) древнемонгольские города приходят в упадок и вскоре исчезают. Торговые контакты с югом, носившие в монгольский период насильственный характер, ослабевают. [40] В более поздних археологических памятниках Тувы находки поливной керамики не известны. Случай в погребении № 3 Улуг-Хорума, судя по всему, пока единственный.

Подпружные пряжки и нож (рис. 6, 8-10) не противоречат датировке погребения № 3 монгольским временем, так как подобные изделия имеют широчайшие территориальные и хронологические рамки.

Особо следует сказать о железном черпаке (рис. 6, 14). Он довольно больших размеров (диаметр по краю 22 см), имеет кованую втульчатую петлю, предназначенную, очевидно, для насадки на деревянную ручку. Подобной формы ковши, но меньших размеров, изготовленные из меди, обнаружены во впускных погребениях XVIII в. в Западной Туве. Ковши из железа, правда, несколько иной конструкции есть во впускных погребениях того же времени в могильнике Кокзэль. [41] На первый взгляд, эта находка может свидетельствовать об иной дате всего комплекса. Однако другие категории инвентаря, форма стремян, комплексный набор наконечников стрел и наличие поливной керамики позволяют с уверенностью датировать погребение № 3 XIII-XIV вв. Для поздних тувинских погребений в целом характерна совершенно другая комплектность материала. Отсутствие же металлических ковшей в погребальных памятниках монгольского времени объясняется не тем, что их не было вовсе, а лишь слабой изученностью ком-

плексов этого периода. Эта находка указывает на наличие прототипа тувинских ковшей уже в монгольский период.

Подводя итоги, можно говорить о том, что проведённое исследование позволяет считать полностью завершённым во всех аспектах изучение такого значительного памятника, как саглынский Улуг-Хорум. [42] Введённый в научный оборот материал помог, во-первых, пролить свет на решение сложных и спорных вопросов древнетюркской археологии, во-вторых, получить новые данные о погребальных памятниках монгольского времени.

Примечания

[1] Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980, с. 62-65, 119-131. Улуг-Хорум, по-тувински, большая, великая насыпь из камней. Такое же наименование носят в Туве ещё несколько памятников.

[2] Грач А.Д. Древние кочевники, с. 120. В тексте допущена опечатка: вместо ЮЮЗ следует читать ЮЗЗ. См.: Грач А.Д. Исследования 1-го отряда СТЭАН в долине р. Саглы и в Центральной Туве. Отчёт о полевом сезоне 1968 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 22, с. 11.

[3] Подробнее о типах погребений с конём см.: Длужневская Г.В. Типы погребений древнетюркского времени на территориях Тувы, Алтая и Монголии. — В кн.: Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Л., 1967, с. 56-57.

[4] Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае. — МЭ, Л., 1927, т. 3, вып. 2, рис. 16, 8; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л., 1965, с. 34.

[5] Тип IV по классификации А.А. Гавриловой (Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., с. 34).

[6] Хранится в Барнаульском музее.

[7] Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques Minoussinsk. Helsingfors, 1917. Характерно, что стремя, о котором сообщил А.М. Тальгрэн, декорировано точно так же, как и улуг-хорумские.

[8] Подробный обзор и анализ литературы и источников по этим памятникам: См.: Кызласов И.Л. О происхождении стремян. — СА, 1973, № 3, с. 24; Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.). — СА, 1973, № 4, с. 81.

[9] Кызласов И.Л. О происхождении..., с. 28-29; Амброз А.К. Стремена и седла..., с. 83-86.

[10] Амброз А.К. Стремена и седла..., рис. 2, 8.

[11] Кызласов И.Л. О происхождении..., рис. 3, 2; рис. 4; Амброз А.К. Стремена и седла..., рис. 2, 2, 6, 7.

[12] Кызласов И.Л. О происхождении..., рис. 3, 3.

[13] Амброз А.К. Стремена и седла..., рис. 1, 1, 2, с. 87-88.

[14] Там же, с. 87.

[15] В настоящий момент не вызывает сомнений, что первоначально функции стремян выполняли ременные петли (см.: Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. — СЭ, 1966, № 3, с. 63-64; Кызласов И.Л. О происхождении..., с. 31; Амброз А.К. Стремена и седла..., с. 86, рис. 2, 1). При этом мы совершенно согласны с И.Л. Кызласовым в том, что в вопросе о происхождении стремян вообще главным является не материал, а функциональное назначение изделия.

[16] Амброз А.К. Стремена и седла..., с. 86.

[17] Там же, с. 86-87.

[18] Экземпляры вотивных стремян, известные по случайным находкам на Среднем Енисее, рядом исследователей датируются временем не позд-(166/167)нее Тепсейского этапа таштыкской культуры (III-V в. н. э.) (Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 516-518; Кызласов Л.П. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 140, рис. 9, 10. Кызласов И.Л. О происхождении..., с. 29-30, рис. 5). Эта точка зрения представляется сомнительной. Во-первых, типы вотивных стремян наиболее близки образцам, встречающимся в памятниках более позднего времени (VIII-X вв. и даже XIII-XV вв.), что уже отмечал А.К. Амброз (Стремена и седла..., с. 87). Во-вторых, вотивность — признак, послуживший для вышеназванных учёных основанием для ранней даты этих находок, является фактически единственным и иных подтверждений не имеет, так как находки миниатюрных стремян в датирующихся археологических комплексах гунно-сарматского времени не известны. На это уже обращал внимание С.И. Вайнштейн (Некоторые вопросы..., с. 64-65). Он же указывал на этнографические данные, позволяющие проследить существование у народов Саяно-Алтая обычая изготавливать миниатюрные изделия, в том числе и стремяна (в ритуальных целях, как игрушки и т. п.), вплоть до недавнего времени (первая половина XX в.). (Амброз А.К. Стремена и седла..., с. 65).

[19] Джарылгашинова Р.Ш. Древние когурёсцы. М., 1972, с. 111-112; Амброз А.К. Стремена и седла..., с. 86.

[20] См., напр., хронологическую схему развития удил у А.А. Гавриловой (Могильник Кудыргэ, с. 80-84, рис. 16, 1).

[21] Подробно об истории вопроса см.: Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы. — УЗ ТНИИЯЛИ, 1971, вып. XV, с. 114-115.

[22] В последней своей книге Л.П. Кызласов вновь повторил, что «...памятников VI — начала VII в. (типа могильника Кудыргэ) в Туве пока не обнаружено» и древнейшие погребения тюрков с конем отнес к VII-VIII вв. (Кызласов Л.П. Древняя Тува. М., 1979, с. 136). Надо отметить, что ранее автор не отвергал самой вероятности существования подобных памятников и считал их находку лишь делом времени. (Он же. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 18).

[23] Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. — Труды ТКЭАН, М.-Л., 1960, т. 1, с. 147-148. Эта точка зрения справедлива лишь в отношении территории Тувы, так как в кудыргинском погребении,

несомненно синхронном улуг-хорумскому, человек и конь ориентированы головой на Ю.

[24] Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время. — В кн.: Тюркологический сборник. М., 1972, с. 343; Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конём древнетюркского времени. — Там же, с. 351-374.

[25] Длужневская Г.В. Типы погребений..., с. 56-57; Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конём, с. 369-371.

[26] Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности..., с. 370-374.

[27] См., напр.: Савинов Д.Г. Этнокультурные связи..., с. 340.

[28] Подробный обзор памятников с находками панцирных пластин этого типа см.: Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980, с. 119-123, 126-127.

[29] Отметим, что эта дата приемлема только для памятников собственно енисейских кыргызов, так как имеются находки панцирных пластин этого типа в погребениях более раннего времени и иной этнической принадлежности (см.: Бояршинова З.Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах. — Тр. ТГУ и ТГПИ, М., 1947, с. 156; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., табл. V, 1; Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. — Тр. ТКЭАН, М.-Л., 1966, т. 2, рис. 29, 1; Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. — МИА, 1956, 48, табл. XII.

[30] Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии, с. 121.

[31] См., напр.: Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 12. (167/168)

[32] Гаврилова А.А. Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее. — СА, 1964, № 2, с. 165, рис. 1, 6; Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. — СА, 1957, № 2, с. 219—220, рис. 13; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ..., с. 74.

[33] Грач В.А. О погребальных памятниках монгольского времени в Туве. — УЗ ТНИИЯЛИ, 1975, вып. XVII, с. 223; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века, с. 163.

[34] Кирличников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. — САИ, Л., 1973, вып. Е1-36, с. 51.

[35] Медведев А.Ф. Татаромонгольские наконечники стрел в Восточной Европе. — СА, 1966, № 2, с. 59-60, тип. 11 по его классификации.

[36] Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени. — В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 256, табл. II, 24; Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА, 1960, № 5, с. 100, рис. 12.

[37] Медведев А.Ф. Татаромонгольские наконечники..., с. 60. Автор считает, что этот вариант наконечников занесён в Европу монголами.

[38] Киселёв С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума. — В кн.: Древнемонгольские города, М., 1965, с. 199-200.

[39] Кызласов Л.Р. История Тувы..., с. 138.

[40] Кызласов Л.Р. История Тувы..., с. 159.

[41] Дьяконова В.П. Поздние археологические памятники на территории Западной Тувы. — Труды ТКЭАН, М.-Л., 1960, т. 1, с. 157-158, рис. 7; Она же. Поздние археологические памятники Тувы. — Тр. ТКЭАН, М.-Л., 1966, т. II, табл. III, 20; табл. IV, 6.

[42] Исследование средневековых погребений выходило за рамки задач, поставленных А.Д. Грачом при изучении этого памятника. См.: Грач А.Д. Древние кочевники..., с. 119.